

Николаевичемъ сидимъ за столомъ, вышелъ не совсѣмъ удачнымъ. А почему? Потому, что Левъ Николаевичъ плохо позировалъ. Почти совсѣмъ не позировалъ. Рѣпинъ писалъ его почти съ непозирующаго.

Графиню кто-то позвалъ. Я остался одинъ.

— Уйти, что-ли, отсюда?

Не успѣлъ я подумать, какъ на террасу вошла молодая женщина, блондинка съ голубыми глазами.

Она подошла и спросила:

— Что вамъ угодно?

Я поклонился и сказалъ, что хотѣлъ взглянуть на Льва Николаевича.

— Онъ васъ не приметъ, сказала она сухо и въ упоръ посмотрѣла на меня.

— Да, конечно, онъ боленъ. мнѣ самому неловко, извините,—пробормоталъ я.

— Боленъ или не боленъ—все равно вы его не увидите!

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Почему?

— Что, мы будемъ всѣмъ объяснять?

— Простите, сказалъ я,—и въ моемъ голосѣ почувствовалось раздраженіе,—я не знаю, съ кѣмъ имѣю честь говорить.

Вы дочь Льва Николаевича?

Это все равно, кто я,—довольно сердито проговорила она.

— Я удивляюсь, прибавила она, всѣ обращаются къ намъ: однимъ отдай землю, другимъ деньги, третьимъ сочиненія, четвертымъ позируй!!